

Но он всегда ждал, ждал
 Тот миг, когда естественно и просто
 Приходят вдохновенные слова
 На лист, необитаемый, как остров.

Он работал на уровне даже не слова,
 а звука. О ветре — было: «Блокнот про-
 листал, пролетел над костром...», затем
 исправил: «полистал». Это важно для
 равновесия внутри строки.

В журнале «Знамя» Лёша увидел
 строчки: «Прекрасные старые девы». По-
 нял: «Это моё!» Огранил, сделал шедевр.

Поверим Осипу Мандельштаму:
 Вечные сны, как образчики крови,
 Переливай из стакана в стакан.

Ахматовская тайна ремесла: «Когда б
 вы знали, из какого сора растут стихи...»

Можно взять простой зачин деревен-
 ского письма: «Во первых строках свое-
 го письма...»

Или же так: «Барбарис цветёт! Ког-
 да же я попаду на море?» — это из та-
 кого сора, как сценарий безумного Оле-
 га Дмитриевича («Записки из жёлтого
 дома»).

Ещё одна тайна:
 Подслушать у музыки что-то
 И выдать шутя за своё...

Вершинными для Лёши стали 1962–
 1980-й, более узко 1962–1970 годы. Это
 был вертикальный взлёт! А ведь вся-
 кое бывало. Однажды в пермской газете
 «Звезда» ему досталось от самого Астафье-
 ва за два стихотворения — «Пора зама-
 ливать стихи» и «Ах, Пушкин, Пушкин»:

НЕВОЗМОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ, ЧТОБЫ ОН В ХОРЕ ЛЖЕПАТРИОТОВ ПЕЛ «С ВЕЛИКИМ ТРЕЗВОНОМ ФАЛЬШИВЫЕ ПЕСНИ»

«Такое ощущение, будто оба эти стихо-
 творения вынуты из пропылённого аль-
 бома прошлого столетия, со всем набором
 потускневших от времени поэтических
 атрибутов, начиная с «пунша» и кончая
 «гранитным плащом», «Италии (у Реше-
 това — *Идалиш* — *авт.*) и Натали», а так-
 же и «пепла златых черновиков».

Пора замаливать стихи,
 Стихи замаливать пора мне,

Встав за кузнечные мехи
 Или обтачивая камни.
 Откуда знать, в конце концов,
 Быть может я ценою муки
 И отыскал своё лицо,
 Но потерял при этом руки.

Эти стихи Решетова о трагедии ху-
 дожника перекликаются с мрачными
 строчками Пушкина, написанными на
 том же тридцатилетнем рубеже:

Дар напрасный, дар случайный,
 Жизнь, зачем ты мне дана?
 Иль зачем судьбою тайной
 Ты на казнь обречена?
 Маяковский:
 Любви я заждался,
 мне тридцать лет...

И Есенин:
 Милая, мне скоро стукнет
 тридцать...

Через много лет Виктор Петрович
 напишет о том времени: «Десять лет Ре-
 шетов в загоне, его не печатают, в пар-
 тийных комитетах плюются, читая та-
 кое вот: